

СВОБОДНЫЙ УМ В НЕСВОБОДНУЮ ЭПОХУ

Фридрих Август фон Хайек (1899—1992) — лауреат Нобелевской премии, лидер неоавстрийского направления в экономической науке, критик социализма и кейнсианства, продолжатель традиций классического либерализма, один из крупнейших социальных мыслителей XX столетия — вряд ли нуждается в представлении¹. Многие его книги и статьи переведены на русский язык, его концепции активно обсуждаются отечественными философами, социологами, экономистами. Более того, его имя то и дело всплывает в спорах по проблемам текущей политики. (Сам Хайек, всегда сторонившийся политической злобы дня, был бы, вероятно, немало этим удивлен.)

Чем объяснить такое небезразличное, пристрастное отношение к его наследию? Дело, скорее всего, в хайековской сосредоточенности на исследовании глубинных основ современного общества. Когда фундамент, на котором стоит здание человеческого сообщества, прочен, внимание и усилия естественно переключаются на обустройство «верхних этажей». Но когда закладка нового фундамента еще не закончена, насущным становится осмысление опорных принципов социального бытия, и здесь трудно найти лучшего собеседника, чем Фридрих Хайек.

«*Индивидуализм и экономический порядок*» (1948) — пятая крупная книга Хайека, выходящая по-русски². В ней

---

¹ Краткий биографический очерк см. в статье: *Капелюшников Р.* Философия рынка Фридриха фон Хайека // *Мировая экономика и международные отношения.* 1989. №12.

² *Хайек Ф. А.* Общество свободных. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1991; *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992; *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1993; *Хайек Ф. А.* Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. [См. также: *Хайек Ф. А.* Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003; *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005; *Хайек Ф. А.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006; *Хайек Ф. А.* Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008; *Хайек Ф. А.* Судьбы либерализма:

собраны его «малые произведения» 30—40-х годов — статьи, лекции, доклады. Это был нелегкий период в жизни ученого, когда из чистого экономиста-теоретика он все больше превращался в социального философа, работающего на пересечении многих дисциплин. Смена основной сферы деятельности далась ему нелегко и сопровождалась растущим отчуждением от профессионального сообщества экономистов. Тогда же левой интеллигенцией Запада он был предан анафеме за «Дорогу к рабству» (1944), где прослеживались общие корни тоталитарных идеологий — нацизма и коммунизма.

Постепенная переориентация научных интересов Хайека нашла отражение в сборнике «Индивидуализм и экономический порядок». Вошедшие в него работы относятся к различным отраслям знания: политической философии, эпистемологии, методологии науки, экономической теории; в некоторых из них рассматриваются практические предложения по усовершенствованию отдельных звеньев общественного механизма. Однако все они, как предупреждает в предисловии автор и как вскоре убедится сам читатель, исходят из общего взгляда на природу сложных человеческих сообществ.

Открывает сборник статья «*Индивидуализм: истинный и ложный*» (1945). Хайек производит здесь своеобразный смотр основополагающих принципов и ценностей «классического либерализма», таких как верховенство права, частная собственность, федерализм, демократия и др. Необходимо напомнить, в какое время была написана эта работа.

Период между Первой и Второй мировыми войнами, особенно 30-е годы, по праву можно считать эпохой затмения либерализма. Первая мировая война, а затем Великая депрессия нанесли по нему такие удары, после которых, казалось, он уже никогда не оправится. Отступление от традиций либерализма шло по всему фронту — как в сфере теоретической мысли, так и в сфере практической политики. Господствовало убеждение, что капиталистическая система

доказала свою экономическую несостоятельность и моральную ущербность и что будущее за централизацией, сознательным планированием, всепроникающим государственным контролем. Классический либерализм воспринимался как достойный осмеяния старомодный пережиток, всеобщее увлечение тоталитарными идеологиями оставляло мало надежд на выживание свободного общества.

Неоднозначное воздействие на состояние умов было оказано Второй мировой войной. С одной стороны, она наглядно показала, к чему приводит полный отказ от либеральных ценностей в попытках переустроить общество по тоталитаристским схемам. С другой стороны, неизбежное в условиях войны усиление контроля государства над экономикой порождало иллюзию, что это и есть ключ к решению всех проблем будущего мирного времени.

В этот критический момент выбора путей мирной жизни Хайек счел своим долгом напомнить об общих принципах, лежащих в основе современной цивилизации, начать трудную работу по реабилитации и обновлению либерального символа веры. В качестве общего обозначения отстаиваемой им политической философии он избирает термин «индивидуализм». Но на какую традицию в истории мысли следовало бы опереться защитникам идеи свободы в середине XX века? Чтобы ответить на этот вопрос, Хайек берется за «расчистку корней», выявляя родословную двух несовместимых подходов, известных под одним и тем же именем.

«Истинный индивидуализм» он возводит к идеям Дж. Локка, Б. Мандевиля, Д. Юма, А. Смита, А. Фергюсона, а в XIX веке относит к его ведущим представителям А. де Токвиля и лорда Актона. «Ложный индивидуализм» он связывает с традицией, восходящей к Декарту и воспринятой затем физиократами, энциклопедистами и Руссо. (Важно отметить, что утилитаризм И. Бентама и «ревизионистский либерализм» Дж. Ст. Милля Хайек также выводит, хотя и не полностью, за пределы «истинного индивидуализма».)

По Хайеку, разделительная черта между двумя типами индивидуализма пролегает в вопросе о природе основополагающих общественных институтов: являются ли они

непредвиденным результатом взаимодействия множества людей или продуктом чьего-то сознательного замысла, вырастают спонтанно или создаются по заранее вычерченным схемам? Согласно одному подходу, свобода деятельности индивидов не только не противоречит возникновению «порядка» в обществе, но сама является его источником. Согласно другому, «порядок» в обществе может создаваться только сверху, сознательными усилиями конструирующей его власти. В конечном счете различие позиций связано с неодинаковой оценкой интеллектуальных возможностей человека: смирению «истинного индивидуализма», признающего неизбежную ограниченность человеческого разума, противостоит гордыня «ложного индивидуализма», верящего в неограниченную мощь человеческого интеллекта и считающего его способным переустраивать общество по собственному усмотрению (позднее Хайек обозначил такую установку как «конструктивистскую»).

Небольшая работа Хайека *«Факты общественных наук»* (1942), посвященная методологическим проблемам социальных дисциплин, отпочковалась от созданного им в годы войны фундаментального исследования *«Контрреволюция науки»*³. В ней он предстает как убежденный противник сциентизма — некритического переноса в обществознание методов естественных наук. Вопреки претензиям на «научность», показывает Хайек, сциентистский подход к социальным явлениям ведет к прямо противоположному результату — к персонификации таких целостностей, как «общество», «государство», «класс», которые начинают наделяться собственными потребностями, интересами и мотивами и изображаться так, как если бы это были самостоятельные живые существа.

Методологическим принципом, адекватным общественным наукам, Хайек считал принцип методологического индивидуализма, согласно которому любое социальное об-

---

³ Перевод *«Контрреволюции науки»* готовится к выходу в свет издательством «Catallaxy». [См.: Хайек Ф. А. *Контрреволюция науки*. М.: ОГИ, 2003.]

разование есть не что иное, как сеть взаимоотношений между индивидами, и не существует вне и помимо них. (Впервые этот принцип был отчетливо сформулирован К. Менгером, родоначальником «австрийской школы» в экономической науке.)

Еще одной мишенью хайкевской критики становится историцизм — представление о том, что история человечества жестко «запрограммирована» на прохождение через строго определенную последовательность эпох, или стадий развития. (Одним из наиболее откровенных историцистов был, как известно, К. Маркс.) Хайкевские рассуждения на эту тему было бы интересно сопоставить с «Нищетой историцизма» К. Поппера, которая была написана раньше, но публиковалась на английском языке почти одновременно с «Контрреволюцией науки»⁴.

Ф. Хайек говорил в шутку, что за всю жизнь ему удалось сделать одно открытие и два изобретения. Своим открытием он считал концепцию рассеянного знания (он называл ее также концепцией разделения знания — по аналогии с концепцией разделения труда у экономистов-классиков)⁵. Первый ее набросок содержится в лекции 1936 г. «*Экономическая теория и знание*» (глава вторая настоящего сборника),

---

⁴ См.: Поппер К. Р. Нищета историцизма. М.: Путь, 1993. Двух ученых связывала тесная дружба. Именно по инициативе Хайека Поппер был приглашен в Лондонскую школу экономики. Их многолетнюю переписку предполагается опубликовать в одном из томов академического «Полного собрания сочинений Ф. А. Хайека».

⁵ К своим «изобретениям» Хайек относил проект денационализации денег (см. ниже) и проект двухпалатного парламента особого типа. Верхняя палата такого парламента занималась бы законодательством в строгом смысле слова, устанавливая «правила справедливого поведения», по определению Хайека, в таких сферах, как гражданское право, уголовное право и др., тогда как нижняя ведала бы делами собственно государственного управления, выпуская необходимые «инструкции» по таким проблемам, как бюджет, оборона, внешняя политика и т.п. По мысли Хайека, такое разделение функций освободило бы законодательный процесс от искажающего давления корыстных групповых интересов.

а зрелая формулировка — в выступлении в 1945 г. перед Американской экономической ассоциацией «Использование знания в обществе» (глава четвертая). В них Хайек развивает представление о рынке как особого рода информационном устройстве, осуществляющем координацию знаний миллионов не знакомых друг другу людей. Чтобы подчеркнуть эту уникальную способность рынка, он называет его «телекоммуникационной системой».

По мысли Хайека, рынок обеспечивает синтез предельно конкретного знания с предельно абстрактным. Под первым понимается индивидуальное знание специфических условий времени, места и образа действий. Значительная часть такой информации неформализуема и невербализуема, не поддается выражению в словах или каких-либо иных символах. Оставаясь неявной, она воплощается в практических навыках и умениях, в опыте и мастерстве, в профессиональных приемах и привычках. Еще одна особенность «локального» знания — его быстротечность: многие благоприятные возможности, открывающиеся индивиду, существуют только здесь и сейчас, и, если ими не воспользоваться сразу же, они будут упущены навсегда. Но именно умение пользоваться уникальными возможностями времени и места предопределяет в конечном счете успех в любом деле, обеспечивает индивидуальные преимущества в производительности труда. Рынок создает условия для эффективного использования всего этого личностного знания, наделяя правом распоряжаться им самих его носителей.

Этого, однако, недостаточно. Нужно еще создать условия для координации разрозненных знаний, рассеянных среди множества индивидуумов, что невозможно без предоставления им обобщенной информации о состоянии всей системы. Сгустками такой абстрактной информации выступают цены. В сжатом виде они содержат сведения о предпочтениях, производственных возможностях и планах на будущее участников рынка, тем самым помогая каждому из них вписать свои конкретные специфические знания в общую систему разделения знаний. Хотя координация, достигаемая с помощью ценовых сигналов, далеко не безупречна,

она осуществляется достаточно успешно, чтобы посчитать ее «чудом». Хайек намеренно прибегает к этому слову, чтобы подчеркнуть: никакой другой механизм — в том числе и механизм централизованного планирования — не способен дать результаты, обеспечиваемые рынком. По Хайеку, решающий аргумент в пользу капитализма является эпистемологическим: конкурентный рынок позволяет с большей эффективностью использовать больший объем знаний, рассеянных среди членов современного сложного общества, не имеющих, как правило, ни малейшего представления друг о друге, чем какая бы то ни было альтернативная система.

В «Смысле конкуренции» (1946) скрупулезному критическому анализу подвергается понятие «совершенной конкуренции», одно из центральных для неоклассической экономической теории. Характерному для неоклассиков представлению о конкуренции как об определенном состоянии Хайек противопоставляет выработанное «австрийской школой» понимание конкуренции как динамического процесса. По его замечанию, понятие «совершенной конкуренции», как это ни парадоксально, в принципе исключает всякую конкурентную деятельность. Теория «совершенной конкуренции», предостерегает Хайек, не только далека от реальности — очень часто она становится источником вредных практических рекомендаций (вроде требований обязательной стандартизации продукции и т.п.).

Намеченные в «Смысле конкуренции» подходы были развиты позднее в статье Хайека «Конкуренция как процедура открытия» (1968), где конкуренция трактуется как метод открытия, метод порождения новых знаний⁶. Приращение знаний в ходе конкуренции достигается не только потому, что благодаря ей производители открывают новые потребности, до сих пор никем не замечавшиеся, а потребители — новые способы их удовлетворения, ранее им не известные. Вдобавок экономические агенты узнают нечто новое и о самих

---

⁶ См.: Хайек Ф. А. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №12. [См. наст. изд. с. 378—393.]

себе: на что они реально способны по сравнению со всеми остальными (насколько лучше или дешевле они могут удовлетворять чьи-то потребности). Ситуация здесь аналогична ситуации в спортивных состязаниях. И это означает, что всякое искусственное ограничение конкуренции сокращает объем знаний, доступных обществу.

«„Свободное предпринимательство“ и конкурентный порядок» (1947) представляет собой вступительную речь, которой открылась первая встреча международного Общества Мон-Пелерин (по названию местечка в Швейцарии, где была организована эта встреча). Оно было создано по инициативе Ф. Хайека и объединило ученых и практических деятелей, озабоченных судьбами свободы в современном мире. В списке его членов такие имена, как К. Поппер, М. Полани, Ж. Рюэфф, М. Фридман, Л. Эрхард и др. Со дня основания до 1960 г. Ф. Хайек был председателем, а затем почетным председателем Общества.

Главная мысль хайековского выступления отчетливо выражена в его названии: защиту конкурентного порядка недопустимо сводить к идее «свободного предпринимательства», лозунгу *laissez faire*. В этом, по убеждению Хайека, состояла роковая ошибка либералов XIX века, ставшая причиной их поражений. Вместо того чтобы давать практические ответы на возникавшие перед обществом новые сложные вопросы, они ограничивались повторением общего положения о неприемлемости государственного вмешательства. Наступление государства, подчеркивает Хайек, можно остановить, только если сегодняшние либералы будут вырабатывать собственные рецепты преодоления трудностей, с которыми сталкивается современный мир. В своем выступлении он приводит внушительный список проблем, ждущих решения.

Прошедшие годы подтвердили дальновидность такого подхода. Кардинальные изменения в интеллектуальном климате современного общества, а затем и серьезные политические сдвиги произошли действительно именно тогда, когда начали активно разрабатываться и предлагаться новые, иногда неожиданные, практические решения, выдержанные в либеральном духе.

Драматичным эпизодом в истории экономической мысли XX столетия стала знаменитая дискуссия об экономическом расчете при социализме (the socialist calculation debate), одним из главных участников которой стал Ф. Хайек. Под его редакцией вышел сборник «Коллективистское экономическое планирование» (1935), для которого им были написаны вводная и заключительная главы. Позднее он откликнулся обширной рецензией (1940) на книги О. Ланге и Г. Диккинсона, двух ведущих теоретиков «рыночного социализма». Эти хайековские работы образуют центральную часть «Индивидуализма и экономического порядка» (главы седьмая, восьмая, девятая).

Дискуссия о возможности «социалистического расчета» длилась несколько десятилетий, и здесь нет возможности проследить все ее повороты.

Проблема была поставлена в 1920 г. учителем Хайека Людвигом фон Мизесом, выдвинувшим тезис о невозможности рационального экономического расчета при отсутствии рынка и частной собственности на средства производства⁷. Пик полемики пришелся на 30-е годы. Вызов критиков социалистического планирования, Л. Мизеса, Ф. Хайека и Л. Роббинса, приняли Г. Диккинсон, М. Добб, Э. Дурбин, О. Ланге, А. Лернер, Ф. Тэйлор и др. Поначалу большинство экономистов были склонны принять точку зрения критиков социализма, однако вскоре чаша весов склонилась на сторону их оппонентов. Возобладало мнение (перекочевавшее затем во все учебники), что тезис Мизеса был полностью опровергнут усилиями О. Ланге и его единомышленников.

Исходная критика социализма велась с позиций «австрийской школы» и была обращена против «классического» марксистского проекта плановой безденежной экономики⁸. Чтобы принимать рациональные экономические решения

---

⁷ *Mises L. v. Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. 1920. Vol. 47. No. 1.*

⁸ Как показал Хайек в «Контрреволюции науки», истоки идеи всеобъемлющего централизованного планирования лежат в технократических фантазиях Сен-Симона, от которого она и была воспринята Марксом.

(то есть достигать наилучших результатов при наименьших затратах), необходимо, утверждал Мизес, знать цены: их он называл «помощниками ума». Без цен невозможна калькуляция прибылей и издержек, а значит, невозможно узнать, производится ли из того или иного набора ресурсов продукт, имеющий наивысшую ценность. «Где нет никакого рынка, — писал Мизес, — нет никакой системы цен, а где нет никакой системы цен, не может быть никакого экономического расчета». При отсутствии цен и общего знаменателя, в котором они могут быть выражены, общество обречено на «калькуляционный хаос». Опыт советского «военного коммунизма» стал своеобразным экспериментальным подтверждением этого тезиса. Вместо обещанного роста благосостояния безденежная, безрыночная экономика принесла нищету и разруху.

Последующая дискуссия прошла через несколько этапов, которые подробно прослеживаются Хайеком.

Большинство ортодоксальных марксистов оказались настолько наивны в теоретическом отношении, что просто не поняли, в чем суть доводов Мизеса⁹. Они восприняли их как попытку доказать, что централизованное планирование невозможно физически. Это, конечно, недоразумение. Речь шла не о возможности или невозможности существования централизованного планирования как такового, а о другом: возможно или невозможно успешное централизованное планирование, превосходящее по эффективности рыночный механизм координации.

В результате миссия защиты социализма от австрийской критики перешла к экономистам-неоклассикам, отправным пунктом для которых служила модель общего равновесия Л. Вальраса. Принципиальное отступление от исходной марксистской схемы состояло в том, что они признали ключевую роль цен для рационального размещения ресурсов.

---

⁹ Это, например, наглядно видно из дискуссии о безденежной экономике в советской литературе 20-х годов. См. блестящее изложение этой дискуссии у Л. Юровского: *Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917—1927)*. Избранные статьи. М.: Начала-пресс, 1996.

Идея марксистов, что экономический расчет возможен при отсутствии денег — с помощью каких-либо натуральных измерителей (единиц энергии или часов труда), — была оставлена. Однако, по мнению экономистов-неоклассиков, функция цен могла бы успешно реализовываться — в иных формах — и при социализме. В таком случае социализм представлял бы как более совершенная общественная система, поскольку, не уступая капитализму по эффективности, он в то же время был бы в состоянии обеспечить большее равенство в распределении доходов.

Историки экономической мысли выделяют два основных варианта ответа на тезис Мизеса. Первый — за ним закрепилось название «планометрического» — предполагал, что централизованное планирование способно «имитировать» действие рыночного механизма на бумаге. Равновесный набор цен, обеспечивающий оптимальное размещение ресурсов, может быть найден с помощью соответствующих математических моделей.

Второй вариант получил название «рыночного социализма». Это был еще один шаг назад от исходной марксистской схемы. Если на предыдущей стадии дискуссии защитники планирования признали «теоретические» достоинства рынка, вменив в обязанность плановым органам «имитировать» его работу на бумаге, то теперь они пошли дальше, допустив существование при социализме реальных рынков. Фактически предлагалась гибридная конструкция — с рынком, но без частной собственности. (Или, если точнее, с рынками потребительских товаров и труда, но без рынка капитала.)

Что касается производственных благ, то равновесные цены на них сторонники «рыночного социализма» предлагали устанавливать методом проб и ошибок — на манер вальрасианского аукционщика. Плановым органам предстояло назначать пробные цены, которые в течение установленного периода оставались бы неизменными, так что менеджеры социалистических предприятий принимали бы их как «данные». (В связи с этим О. Ланге писал о «параметрической функции цен».) Затем в зависимости от возникновения либо избыточного спроса, либо избыточного предложения

они пересматривались бы в ту или иную сторону — и так до тех пор, пока в конце концов не «нащупывались» бы искомые ценовые соотношения.

Хайек вскрывает непонимание самой сути рыночного процесса, стоящее как за «планометрическим», так и за «конкурентным» решением. В основании его критики лежит концепция рассеянного (неявного) знания. При социализме, доказывает он, гигантский массив знаний, имеющихся у индивидуальных агентов, неизбежно останется невостребованным. Эта эпистемологическая ущербность, присущая социалистической системе, непреодолима.

«Планометрическая» схема несостоятельна прежде всего потому, что оставляет без ответа вопрос, каким образом всю соответствующую сумму знаний предполагается сосредоточить в центре. Ведь «имитация» работы рынка плановыми органами могла бы начаться только после получения всей необходимой для этого информации. Но важнейшая ее часть — это неявные, личностные знания. Такие знания по определению не поддаются формализации и передаче. Кроме того, для приспособления к постоянно меняющимся условиям необходимы оперативные решения. Но ни о какой оперативности не может быть и речи, когда информацию о происшедших переменах придется сначала передавать наверх, а затем ждать указаний, как действовать. Потеря времени будет означать потерю огромного количества благоприятных возможностей, требующих мгновенной реакции. Поэтому система всеобъемлющего централизованного планирования неспособна даже отдаленно приблизиться к результатам, демонстрируемым рынком.

Далеко не всеми этот аргумент был верно понят. Некоторые восприняли его так, будто речь шла не о невозможности рационального экономического расчета в условиях плановой системы, а о невозможности математических вычислений, которые понадобились бы для решения системы уравнений с астрономически большим числом неизвестных. В таком случае помочь делу могли бы дальнейший прогресс математики и появление сверхмощных компьютеров. Однако аргументация Мизеса и Хайека не была столь

примитивной. По их мысли, плановые органы не были бы способны не то что решить, но даже составить искомую систему уравнений — из-за невозможности аккумулировать в центре все необходимые для этого «данные». Лишь видимость решения проблемы рассеянного знания, показывает Хайек, дает и модель «рыночного социализма».

Мизес и Хайек расходились с экономистами-неоклассиками прежде всего в понимании категории издержек, центральной для всей дискуссии. «Рыночные социалисты» видели в издержках объективно данную величину. Но в действительности оценки альтернативных издержек всегда субъективны и строятся исходя из индивидуальных представлений участников рынка об открывающихся благоприятных возможностях. Опираясь именно на такие субъективные ожидания и представления, предприниматели вступают в конкуренцию за право употребить часть ресурсов общества для реализации намеченных ими проектов. Важнейшее условие здесь — свобода установления цен на ресурсы, принципиально не допускавшаяся теоретиками «рыночного социализма». Но если предприниматель лишен возможности предложить за факторы производства, необходимые ему для осуществления новой идеи, более высокую цену, ресурсы не направляются туда, где отдача от них была бы выше, а остальные агенты так и не узнают о возросших альтернативных издержках их использования. В схеме «рыночного социализма» цены перестают быть эффективными «разносчиками» информации и оказываются не связанными с издержками, что делает невозможным рациональный экономический расчет.

Иногда складывается впечатление, что участники дискуссии говорили на разных языках. Критики социализма спрашивали: как в условиях плановой экономики на деле будут решаться задачи сбора, обработки и передачи информации, обобщение и координацию которой в условиях капитализма осуществляет конкурентный рынок? На это их оппоненты отвечали, что если бы такая информация была «дана» органам планирования и они были бы в состоянии мгновенно осуществлять расчеты любой степени сложности, тогда

ничто не мешало бы принимать решения, не уступающие по эффективности рыночным. Затрудненность диалога во многом объяснялась тем, что защитники социализма мыслили в статической, тогда как его критики — в динамической парадигме. Однако в статических условиях проблема экономического расчета, как ее понимали Мизес и Хайек, вообще не встает. Она возникает только в динамических условиях, требующих постоянного приспособления к новым открывающимся фактам. Модель совершенной конкуренции, где нет неопределенности и все известно заранее, не оставляет места для экономического расчета и потому мало чем может помочь в анализе этой проблемы.

По существу, сторонники социализма из числа экономистов-неоклассиков доказывали, что с точки зрения эффективности не имеет значения, владеют ли средствами производства частные лица или государство: результат в обоих случаях будет примерно одинаков. Но свидетельствовало это только об одном: о неприменимости модели общего равновесия для оценки альтернативных институциональных установлений. По удачному сравнению современных исследователей, утверждать, исходя из предпосылок этой модели, что планирование не уступает по эффективности рынку, — все равно что утверждать, исходя из тех же предпосылок, что бартерная экономика не уступает по эффективности денежной¹⁰. Предполагать такое можно лишь при игнорировании транзакционных издержек, сопровождающих действие разных экономических систем.

Едва ли случайность, что среди теоретиков общего равновесия так часто встречались экономисты, симпатизировавшие социализму, и даже убежденные марксисты. По-видимому, конструкция вальрасианской модели с центральной фигурой аукционщика, мгновенно рассчитывающего цены и доводящего их до сведения индивидуальных агентов, с легкостью совмещалась в их сознании с социалистическими

---

¹⁰ *Furubotn E. G., Richter R. Institutions and economic theory: an introduction to and assessment of the new institutional economics. Saarbrücken, 1995. P. 15.*

схемами, где такое же центральное место отводилось государству. Дело предстает так, как если бы теоретики социализма решили, что метафора, содержащаяся в вальрасианской модели, поддается буквальному перенесению в жизнь.

Обе стороны вышли из спора о возможности «социалистического расчета» с ощущением своего выигрыша. Однако подавляющему большинству экономистов привычнее и ближе оказался способ мышления О. Ланге и других «рыночных социалистов», рассуждавших в терминах сравнительной статистики. Они и были признаны победителями.

Потребовалось почти полвека, чтобы эта оценка была пересмотрена. До окончательного отказа от нее дошло только в 80-е годы, когда оставалось совсем мало времени до краха «реального» социализма. Сегодня правота Мизеса и Хайека в том давнем споре практически никем не ставится под сомнение¹¹. С этим вынуждены были согласиться даже те экономисты (вроде П. Самуэльсона), которые десятилетиями повторяли в своих учебниках вывод о победе теоретиков «рыночного социализма».

Много сил отдал Ф. Хайек борьбе с инфляционистскими тенденциями, под знаком которых прошел почти весь XX век. Особую тревогу вызвала у него ситуация, сложившаяся в 30-е годы в результате глубокого кризиса системы золотого стандарта. При всех его недостатках золотой стандарт достаточно жестко дисциплинировал поведение денежных властей отдельных государств. Какая альтернативная система могла бы справляться с этой задачей по меньшей мере не хуже или даже лучше него? Этой проблеме посвящена написанная в форме рецензии небольшая работа — «Резервная валюта с товарным обеспечением» (1943), где Хайек выступает за введение единой резервной валюты, основанной на товарном стандарте (глава десятая). Он подробно останавливается на

---

¹¹ См.: *Vaughn K. I. Economic calculation under socialism: the Austrian contribution* // *Economic Inquiry*. 1980. Vol. 18. No. 4; *Murrell P. Did the theory of market socialism answer the challenge of Ludwig von Mises?* // *History of Political Economy*. 1983. Vol. 15. No. 1; *Lavoie D. Rivalry and central planning: the socialist calculation debate reconsidered*. Cambridge, 1985.

преимуществах денежной единицы, стоимость которой поддерживалась бы неизменной по отношению к некоторому фиксированному набору товаров. Одновременный переход всех ведущих стран на такой стандарт обеспечил бы, по его мнению, стабильность международной валютной системы.

Позднее эта идея получила неожиданное продолжение в очерке Хайека «Денационализация денег» (1976), где она была дополнена экстравагантным, на первый взгляд, предложением: лишить государство монополии на денежную эмиссию¹². По замыслу Хайека, право на выпуск собственной валюты, основанной на товарном стандарте, следовало бы предоставить всем желающим частным банкам. Это не значит, что все они должны были бы эмитировать валюту одного наименования и выражать ее стоимость в одном и том же наборе товаров. Каждый эмитент был бы вправе выбрать наиболее предпочтительный с его точки зрения стандарт. В поливалютном мире выигрывал бы тот, кто добивался бы большей стабильности своей денежной единицы и выбирал более удачный товарный набор в качестве ее обеспечения: «хорошие» деньги вытесняли бы «плохие». В условиях конкуренции со стороны частных денег государству не оставалось бы ничего другого, как поддерживать стабильной стоимость своей собственной валюты, иными словами — избегать соблазна инфляции. Конкуренция налагала бы на денежные власти более жесткую дисциплину, которую, полагал Хайек, не в состоянии обеспечить ни золотой стандарт, ни монетаристское правило постоянного темпа прироста денежной массы.

Важным вкладом в разработку неоавстрийской теории экономического цикла явилась статья Хайека «Эффект Рикардо» (1942). Понятие «эффекта Рикардо» было введено в ряде хайековских работ 30-х годов, спровоцировавших оживленную полемику¹³. Рассматриваемая статья построена

¹² Эта работа опубликована в издании: *Хайек Ф. А. Частные деньги*. М.: Институт национальной модели экономики, 1996.

¹³ *Hayek F. A. Prices and production*. London, 1935. P. 69—100, 148—157 [*Хайек Ф. А. Цены и производство*. Челябинск: Социум, 2008. С. 80—119, 175—192]; *Hayek F. A. Profits, interest and investment*. London, 1939. P. 3—71; *Hayek F. A. A comment // Economica*. 1942. Vol. 9. Nov.

как развернутый ответ критикам. Дискуссия на этом не завершилась: уже в 60-е годы она была продолжена Дж. Хиксом, что заставило вернуться к ней вновь и самого Хайека¹⁴.

Согласно его позднейшей формулировке, «эффект Рикардо» предполагает, «что в условиях полной занятости рост спроса на потребительские блага будет вызывать сокращение инвестиций, и соответственно наоборот». «Эффекту Рикардо» отводится важная роль в хайековской интерпретации экономического цикла: он призван объяснять высшую поворотную точку цикла — от подъема к спаду.

По представлениям «австрийской школы», бум запускается кредитной экспансией, в результате которой денежная норма процента опускается ниже его «естественной» нормы. Под воздействием этого ложного сигнала предприниматели начинают инвестировать больше, чем общество реально готово сберегать. Но, кроме того, падение процента меняет и относительную прибыльность различных видов и методов производства — в пользу наименее трудоемких. В результате предприниматели начинают больше вкладывать в более капиталоемкие проекты в ущерб менее капиталоемким (по австрийской терминологии, переключаются с менее «капиталистических» методов производства на более «капиталистические»).

Однако такое удлинение вертикальной структуры производства не может продолжаться долго. Переключение ресурсов на выпуск большего объема оборудования ведет к временному сокращению производства потребительских товаров и их удорожанию. Рост потребительских цен, опережающий рост денежной заработной платы, запускает «эффект Рикардо», и это кладет конец циклическому подъему: относительное удешевление труда дает толчок возвратному движению — от более к менее «капиталистическим» методам производства. Растущее отвлечение ресурсов на производство потребительских товаров не позволяет завершить

---

¹⁴ *Hicks J.* The Hayek story // *Critical essays in monetary theory.* Oxford, 1967; *Hayek F. A.* Three elucidations of Ricardo effect // *Journal of Political Economy.* 1969. Vol. 77. No. 2.

многие начатые проекты, значительная их часть оказывается «зависшей». Предприниматели бросаются за дополнительными кредитами, вследствие чего норма процента идет вверх, восстанавливая равновесие между инвестициями и добровольными сбережениями. Капиталовложения и занятость сокращаются, экономика вступает в фазу спада.

Хайкевский анализ «эффекта Рикардо» не был упражнением в чистой теории. Фактически он был ответом на идеи и практические рекомендации Дж. М. Кейнса. Из него следовало, что попытки лечить безработицу непрерывной подкачкой спроса рано или поздно натолкнутся на «эффект Рикардо», что кейнсианская политика, ставящая своей целью обеспечить непрерывный экономический рост при помощи стимулирующих мер государства, обречена на провал.

Главным оппонентом Ф. Хайека выступил Н. Калдор, ученик Кейнса, один из виднейших представителей «кембриджской школы». «Эффект Рикардо» он иронически переименовал в «эффект гармошки» (поскольку вертикальная структура производства должна растягиваться на одних стадиях цикла и сжиматься на других)¹⁵. Вердикт, вынесенный профессиональным сообществом по поводу полемики об «эффекте Рикардо», как и в случае дискуссии об экономическом расчете при социализме, оказался неблагоприятен для Хайека: он был признан проигравшей стороной.

В 80-е годы эта оценка, до тех пор не менявшаяся, подверглась серьезной корректировке. Обнаружилось, что большинство оппонентов Хайека неадекватно воспринимали его аргументацию. Так, Калдор рассуждал в терминах сравнительной статики, тогда как Хайек пытался построить

---

¹⁵ *Kaldor N. Professor Hayek and the concertina effect // Economica. 1942. Vol. 9. Nov.* Основной контраргумент Калдора состоял в том, что в случае превышения денежной нормой процента «естественного» уровня возрастет прибыльность всех методов производства, пусть одних в большей, других в меньшей степени. Поэтому предприниматели станут расширять выпуск всех видов продукции, а не только наиболее капиталоемких. Следовательно, те изменения в вертикальной структуре производства, которые предполагаются «эффектом Рикардо», происходить не будут.

динамическую теорию переходного процесса от одного равновесного состояния к другому¹⁶.

Большинство историков экономической мысли оценивают хайковский анализ весьма высоко. Признается его теоретическая корректность. Отмечается также, что «эффект Рикардо» действительно мог играть решающую роль в развертывании некоторых циклических кризисов, хотя его и нельзя признать универсальным механизмом, объясняющим переход от подъема к спаду. Его действие может также выходить за рамки цикла. Так, в 70—80-е годы в странах Западной Европы опережающий рост реальной заработной платы по сравнению с ростом производительности труда привел к последствиям, о которых писал Рикардо: «вытеснению труда машинами» и соответственно сокращению занятости.

Сегодня подходы Ф. Хайека к изучению циклического движения экономики развиваются не только его непосредственными последователями, теоретиками неоавстрийского направления. По признанию некоторых представителей школы рациональных ожиданий, при разработке равновесной теории цикла они также во многом опирались на идеи Хайека, высказанные им в 30—40-е годы (на это, в частности, указывал лауреат Нобелевской премии Р. Лукас)¹⁷.

В завершающей сборник статье «*Экономические условия межгосударственного федерализма*» (1939) Хайек обращается к обсуждению проблем интеграции. Основная идея работы — невозможность прочного политического союза без союза экономического. Многие из высказанных Хайеком соображений были реализованы при создании Общего рынка, многие сохраняют актуальность и сегодня, когда Европа стоит на пороге нового этапа интеграции.

Но эта работа интересна еще и тем, что она разрушает стереотип восприятия Хайека как мыслителя, погруженного в абстрактные материи и далекого от реальной жизни. Сам

¹⁶ *Garrison R. W.* Hayekian trade cycle theory: a reappraisal // *Cato Journal*. 1986. Vol. 6. No. 2; *Moss L. S., Vaughn K. I.* Hayek's Ricardo effect: a second look // *History of Political Economy*. 1986. Vol. 18. No. 4.

¹⁷ *Kim K.* Equilibrium business cycle theory in historical perspective. Cambridge, 1988.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru